

kennen, auf dem die Arbeit fortzusetzen ist. Die noch folgenden Bände werden

in Fachkreisen mit Spannung und großem Interesse erwartet.

Abkürzungen

EKMS — A. Saareste, Eesti keele mõisteline sõnaraamat I—IV, Stockholm 1958—1963; **IEW** — J. Pokorný, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I—II, Bern 1947—1969; **LEW** — E. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch I—II, Heidelberg-Göttingen 1962—1965; **ME** — K. Mü-

lenbacha Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzeļins I—IV, Rīgā 1923—1932; **VMS** — Väike murdesõnastik I—II. Toim. V. Pall, Tallinn 1982—1989; **Wied.** — F. J. Wiedemann, Eesti-saksa sõnaraamat, Tallinn 1973.

LEMBIT VABA (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.3.11>

В. К. Кельмаков, Образцы удмуртской речи 2. Срединные говоры, Ижевск 1990 (Удмуртский институт истории, языка и литературы УО АН СССР. Удмуртский государственный университет имени 50-летия СССР). 367 с.

Судьба молодых письменных литератур народов СССР редко складывалась счастливо, но удмуртской как-то особенно не везло: и репрессии по отношению к представителям ее первого поколения были беспощадны до крайности, какая не везде достигалась даже в то время, и в последующем поколении — уже волею случая — рано гибли наиболее талантливые писатели. В результате письменная литература удмуртов оказалась среди тех литератур советских народов, в которых сильнее «социалистического реализма» особенно сказалося.

В этих условиях большое значение приобрели сбор и публикация произведений устного народного творчества, его традиционных и нетрадиционных жанров. Это важно не только в идейно-художественном, но и в языковом отношении: ведь когда у писателя вывихнуты все нравственные суставы, то неминуемо и необратимо страдает и портится его язык — и тогда свободный и неподвластный конъюнктуре строй живой народной речи спасает уже не только честь народа, но и своеобразие его языкового мышления, его национальную физиономию.

Второй выпуск книги В. К. Кельмакова «Образцы удмуртской речи», как и первый⁴, представляет собой собрание фольклорных текстов самых различных жанров. Тексты записаны в научной

фонетической транскрипции, тщательно паспортизированы и снабжены подстрочным переводом на русский язык и комментарием. Перевод сделан очень внимательно, с пояснением в необходимых случаях своеобразных удмуртских конструкций и выражений. Комментарий, кроме сведений об информантах, содержит этнографические, топонимические, этимологические справки, иногда — справки о фразеологизмах и иных выражениях, вызывающих те или иные трудности или сомнения в их толковании или происхождении. Отличие второго выпуска от первого состоит в том, что он целиком посвящен материалам срединных говоров удмуртского языка (Завьяловский, Малопургинский, Увинский, Вавожский, Можгинский районы Удмуртии). Тщательнее сделан указатель текстов по жанрам. Во-первых, по каждому жанру дается алфавитный перечень текстов (в первом выпуске перечислялись только номера текстов в публикации). Во-вторых, сами жанры классифицированы подробнее. Так, среди преданий выделены предания этимологического, исторического, генеалогического и топонимического, социально-этнографического характера; среди сказок — сказки-мифы, сказки о животных, бытовые сказки и анекдоты; подразделены былички и сказы бытового и производственного содержания о недавнем прошлом; среди прозаических текстов не поддаются классификации лишь заговоры ввиду их малочисленности. Поэти-

¹ В. К. Кельмаков, *Образцы удмуртской речи. Северные и срединные говоры*, Ижевск 1981.

ческие тексты подразделены на курьсыконы (языческие молитвы — жанр представлен, к сожалению, единственным образцом), песни (наиболее богато представленный жанр, с дальнейшим подразделением на песни обрядовые — календарные, семейные, рекрутские и др. и необрядовые — солдатские, тюремные, сиротские и др.), произведения малых жанров (пословицы, поговорки, загадки, приметы и поверья) и произведения детского фольклора (колыбельная, детская песенка и байка; впрочем, включение колыбельной в этот ряд едва ли удачно: это не собственно детский фольклор, а фольклор для детей).

Особую трудность, но и особую ценность для собирателя представляют произведения малых жанров: в них с особенной силой и прелестью сказывается как емкость народного языка, так и своеобразие национального видения мира. Вот несколько показательных в этом плане примеров. Пословицы: *йэгит мылкыд — пинай йёлпыд* 'юный нрав — молодая ряженка'; *айы заз'эгэлэн йырыс пичи кэ но, выын* 'голова гусака хоть и маленькая, высоко'. Загадки: *муэйэм вылэ лыс пурты кымамын* 'на землю котел с хвоей опрокинут (гриб: хвое уподоблен пластинчатый гименофор); *думэт йылын вал к'айэ* 'на привязи лошадь полнеет' (веретено во время прядения); *н'ыл'эз эктэ, сурэс чапкэ* 'четверо пляшут, тысяча хлопает в ладоши' (лошадь: ноги и хвост); *т'од'ы кэчлэн пушкыс ёдд* 'у белого зайца нутро черное' (печь); *н'ыл'эз страос огазэ* 'четыре сестры в одно место стреляют' (доение коровы)².

Из произведений более крупных жанров в прозе хочется особо отметить былички и сказы, в поэзии — песни, особенно рекрутские и сиротские: в этих произведениях с особенной силой сказались не только коммуникативные и собственно художественные достоинства живого народного языка удмуртов, но и те оценки исторических событий, которые так или иначе подвергались искажению и исправлению в письменной литературе. Впрочем, не только в письменной. Во втором выпуске своих «Образцов» В. К. Кельмаков смог уже опубликовать записи текстов,

свидетельствующих о том, что «исторические контакты удмуртов со своими пришлыми соседями (марийцами, татарами и русскими), которые нередко претендовали на уже освоенные старыми населенниками — удмуртами — пахотные земли и луга, а также охотничьи угодья, по всей вероятности, не всегда носили мирный характер» (с. 348). Прежде такие тексты не публиковались: даже при переиздании в 1983 г. в Ижевске сделанных в 1885 г. записей одного из классиков финно-угорской филологии Б. Мункачи была вычеркнута фраза о том, что «Селта-богатырь... победил и русских, и татар». Видимо, далеко не полны еще и публикации, касающиеся отношения народа к коллективизации и колхозному строю. Сужу об этом по материалам собственных диалектологических поездок в русские деревни Центральной России, Сибири и той же Удмуртии. Что-то здесь уже и безвозвратно погибло — и не только для истории, но и для лингвистики. Русские диалектологи успели еще зафиксировать, например, слово *разверхушивать* в русских говорах Удмуртии. Слово помнит только старшее поколение, а ведь за ним — целая драма: в Удмуртии с ее скудными почвами и суровым климатом, где не только кулаков, а и более или менее зажиточных крестьян было нелегко найти, изобрели слово *верхушка*, обозначавшее на языке большевиков «того, кто бедней кулака, но богаче середняка» и позволявшее, таким образом, записывать в классовые враги практически всякого, у кого хоть что-то можно было отобрать: некого раскулачивать — найдем, кого разверхушить! Есть ли эквивалент этого слова в удмуртском?

Нельзя сказать, чтобы «советский язык» и тяжелая доля трудового человека не только в дореволюционный, но и в советский период не отразилась в публикациях В. К. Кельмакова (см. в рецензируемом выпуске такие тексты, как 177 «Вау' но суди...» 'И конюхом работала...' или 208 «Сэрэ мон куат' арэскысэн...» 'Затем я с шести лет...'), но все-таки думается, что материал такого рода далеко не исчерпан и что он должен быть представлен шире, если публикация образцов удмуртской речи будет продолжаться. В произведениях поэтических жанров, где идеологический

² Удмуртские примеры приводятся в транскрипции автора-составителя рецензируемого издания.

надзор был менее результативным просто по недостатку филологической квалификации у соответствующих чиновников, социальные мотивы представлены в целом ярче.

Разумеется, этими мотивами фольклор удмуртов, как и фольклор любого народа, далеко не исчерпывается. Прекрасны удмуртские трудовые, свадебные, «возрастные» (о молодости, о старости) и другие песни. Необычайно своеобразны сравнительно с русскими похоронные песни удмуртов, которые поются не от имени родни, а от имени самого покойника или покойницы. Подлинные, как мне кажется, шедевры есть и среди любовной лирики.

Сборник В. К. Кельмакова — это настоящий клад для лингвиста, который хотел бы изучить не книжный, а живой удмуртский язык, но по той или иной причине не имеет возможности заняться этим в условиях живого общения: народная лексика и фразеология, прихотливая гибкость разговорного синтаксиса, разговорные особенности морфологических форм — все это специалист найдет в большом количестве и притом с особенностями в поэтическом и в прозаическом бытовании языка.

Заканчивая свою небольшую рецензию, еще раз хочу подчеркнуть, что перед нами не просто некоторое собрание народно-разговорных и народно-поэтических текстов, а подлинно научная и тщательно подготовленная публикация образцов народной речи. Русским филологом остается в данном случае просто позавидовать, поскольку даже весьма солидные хрестоматии и собрания русского фольк-

лора (не исключая выходящей сейчас многотомной «Библиотеки русского фольклора»³) бывают достаточно далеки от строгой научности.

Несколько частных замечаний. В условиях Удмуртии, очевидно, нелегко было бы подготовить публикацию текстов в международной транскрипции, но и применяемая автором транскрипция, на русской графической основе может быть, на мой взгляд, несколько уточнена. Так, может быть, стоило бы отметить явление проклизы и энклизы (например, записывая энклитические и проклитические слова через дефис со словами, имеющими собственное ударение). Второе замечание касается обозначения мягких согласных. В разных говорах удмуртского языка эти согласные могут приближаться то к палатальному, то к палатализованному типу (это определяется, в частности, степенью контактирования с русским языком, но, возможно, и какими-то иными причинами; в свою очередь, многие русские говоры не без удмуртского влияния обретают палатальный ряд): Между тем во всех текстах для их обозначения применяется знак, традиционно обозначающий палатализацию'. Может быть, хотя бы для наиболее несомненных случаев палатальности все-таки следует применять значок "': с'ас'ка 'цветок' и т.п.

«Образцы удмуртской речи» — прекрасное собрание прекрасных текстов на языке народа, чья самобытность, увы, останется под угрозой и при условии самых демократических перспектив развития нашего общества, а потому нуждается и будет нуждаться в поддержке всех тех, кто понимает ценность и неповторимость любой национальной культуры и каждого языка.

Б. И. ОСИПОВ (Омск)

³ Библиотека русского фольклора, «Советская Россия», Москва. За 1988 — 1991 гг. вышло шесть томов.